

вой за помощь партизанам. Бегство старосты явилось, очевидно, сигналом для расправы над жителями поселка.

4-го 2. 42 г. в 6.30 утра гитлеровский карательный отряд СС, в количестве около 250 человек, сопровождаемый проводниками из числа предателей во главе с Ягья Смаилом, окружил со всех сторон поселок Чайр и начал свою зверскую расправу над мужчинами, женщинами и детьми. Выгнав всех жителей из квартир и заставив их вынести все ценное, фашистские изверги согнали всех женщин в большинстве с детьми к шоссе, а мужчин и несколько детей построили во дворе поселка. После этого гитлеровцы приступили к поджиганию всех домов поселка.

В одном из домов находились двое раненых красноармейцев тт. Кожедуб и Дидель Семен Иванович, которые сгорели, т. к. их гитлеровцы не разрешили вынести жителям. Отобрав из строя мужчин 6 человек, среди которых были Заяц Семен, 14-летний Сандулов Анатолий, гитлеровцы во главе с офицерами повели их к северной стороне поселка к глубокому 15-метровому лесистому обрыву, где офицер приступил к расстрелу мужчин. При первом выстреле в рабочего Никитина Ивана Заяц и Сандулов, бросившись в обрыв, начали спасаться бегством, что им и удалось, несмотря на обстрел.

Сандулов при побеге был ранен, остальных троих человек, так же как и Никитина, расстреляли. На этом озверевшие фашистские изверги не остановились и приступили к расправе над остальными жителями — мужчинами, женщинами и детьми. Бандиты расстреляли:

1. Жукова Николая—1907 года рождения—рабочего шахты.
2. Петрик Федора Митрофановича — 1897 г. — рабочего шахты.
3. Маслова (имя не установлено) — 1887 г. — рабочего шахты.
4. Пономаренко Максима—1897 г. и его сына Пономаренко Романа — 1926 года.
5. Захарова (имя не установлено) — 1886 г. и его внука Александра 1926 г. рождения и 3-летнего Виктора.
6. Камышного Митрофана — 1902 г.
7. Уткина Александра—1911 г.
8. Бадаева Василия — 1895 г.
9. Плишко Василия — 1924 г.
10. Бондаренко (имя не установлено)—1860 г.

11. Мартышевскую Любовь.

Среди расстрелянных были найдены тяжело раненые, оставшиеся в живых, — Рябчиков Василий Тихонович — 14 лет и Агапов Федор Иванович — 1907 года — инженер-геолог.

Во время конвоирования женщин с детьми в село Коуш из-под охраны сбежали 6 женщин, которые были обстреляны, однако спаслись:

1. Сандурова Анна Егоровна.
2. Олейникова Прасковья Прокофьевна с дочерью 11 лет.
3. Олейникова Нина Михайловна.
4. Кузнецова Александра Прокофьевна.
5. Каспарова Вера Прокофьевна с грудным ребенком.
6. Кузнецова Анна Прокофьевна.

Все остальные женщины с детьми в количестве 32 человек вместе с вещами скоро были угнаны в Бахчисарай для расправы.

Большинство из этих женщин были женами партизан и красноармейцев.

Высланная партизанами засада на дорогу для отмщения гитлеровским извергам убила несколько человек их, но из-за малочисленности отряда в бой не вступала. Спасшиеся из-под расстрела жители поселка в ответ на зверство фашистов вступили в отряды партизан. Все партизаны, узнавшие о фашистском разбое и уничтожении поселка, поклялись еще больше активизировать свои действия в борьбе с кровавым фашизмом и предателями.

Командир отряда Калашников
Комиссар Фартушный».

Будто наяву, вижу дымящееся пепелище поселка, обгорелые, скорчившиеся трупы раненых красноармейцев, кровь расстрелянных.

Для нас поселок Чайр особенно был дорог. Его жители, преимущественно шахтеры Бешуй-копей, всячески помогали партизанам. Сюда мы приходили отдохнуть и обсушиться, здесь же размещали больных и раненых.

Большую помощь оказывали нам Анна Сандурова и Люба Мартышевская. Они первые поместили в своих домах раненых красноармейцев, оставленных при отступлении, они же находили людей, которые желали содействовать партизанам. Скоро почти все рабочие Чайра так или иначе помогали нам.

Первый староста поселка ретивый немецкий холуй Анохин и приставленный к нему солдат распоряжались имуществом шахты, как своим добром, агитировали мужчин выходить на работу. Этот староста пытался было помешать связи жителей с партизанами. Он ходил по поселку, угрожал «большевистским пособникам» и кичился тем, что теперь он тут хозяин и что захочет — то и сделает. «Вот завтра пойду к господину коменданту и на всех вас донесу», — пообещал он, но исполнить это не успел. Партизаны расстреляли предателя народа. Это сделали Владимир Смирнов, Иван Самсонов, Иван Дуденко и Михаил Лесничий. Вместе с Анохиным партизаны расстреляли бывшего начальника планового отдела шахтоуправления Давыдова, который в первый день прихода немцев составил списки семей коммунистов и тех, кто ушел в партизаны.

Через два дня после этого партизаны Лесничий и Амельшев разложили вдоль штолни 2 и штолни 2-бис kostры из крепежного леса, облили горючим и подожгли. Шахта была выведена из строя.

Новый староста Литвинов был человеком иного склада. Он не называл себя хозяином, так как хорошо понимал, что хозяином здесь был и будет народ и достойные его представители. Нельзя сказать, что Литвинов был за нас. Он просто из страха не выдавал партизан и не трогал домов, где лечили наших раненых. О нем говорили, что он умеет ладить и с военными и с цивильными.

По-другому вела себя его дочь Ритка. Про нее и до войны шла в поселке дурная слава. Она водилась с холостыми и женатыми, местными и приезжими. После прихода гитлеровцев гуляла с офицерами гарнизона, а потом стала водить немцев в дом отца.

На противоположном краю поселка жила другая русская женщина — Любовь Мартышевская. У нее был грудной ребенок. Она, как и другие женщины, старики, подростки и даже дети затерянного в горах небольшого поселка, всем, чем могла, помогала партизанам: стирала белье, готовила пищу, посыпала передачи арестованным, выхаживала раненых.

Анна Егоровна Сандурова и ее сын Анатолий пришли в Чайр из леса и поселились тут в одном из домов, оставленных хозяевами. Егоровна с первых же дней стала помогать партизанам: сообщала в лес сведения о немцах и

предателях, доставала лекарства. Анатолий помогал матери связываться с партизанами.

Поселок не покорился врагу. Его жители по-прежнему оставались советскими людьми. Люба Мартышевская и Анна Сандулова вскоре познакомились, и партизаны заходили к Любке в дом так же спокойно, как и в дом Егоровны. В поселке знали, что Сандулова и Мартышевская связаны с партизанами, знали, что в доме Любки тайно лечатся двое раненых красноармейцев, но никто не выдал отважных патриотов. Молчал и староста.

Немцы чувствовали, что в поселке не все в порядке, но прямых доносов не было, и поэтому каратели пока особых мер не принимали.

Шло время. Дочь старосты Ритка, забыв стыд и совесть, открыто водилась с немецкими офицерами. Как-то один из офицеров заметил проходившую мимо по улице с ведрами Любку Мартышевскую. Оттолкнув размалеванную Ритку, он грубо схватил молодую женщину за локоть. Любка отпрянула в сторону, расплескав из ведер воду.

— Карош фрау! — крикнул Риткин «кавалер».

Но Любка уже спешила к своему дому.

Через некоторое время офицер, знакомством с которым Ритка гордилась, перестал ходить к ней. А если вечером Ритка сама шла к нему на квартиру, денщик бесцеремонно выталкивал ее на улицу.

— Герр офицер есть другой девочка, — говорил он. — Короший. А ты ест шлехт.

Ритка ревела от досады и гадала, кто же эта «другой девочка». Вспомнила она сцену у колодца и решила, что офицера у нее «отбила» Мартышевская. Для такого обвинения не было никаких оснований, тем не менее Ритка отправилась в Коуш (Шелковичное) в гестапо.

К начальнику ее не пустили. Около гестапо она встретила Лазарева. До войны он работал на Бешуй-копях, жил в Чaire. За пьянство и прогул его судили, он отбыл срок наказания. Ритку он хорошо знал.

Встретившись, они разговорились. Ритка узнала, что Лазарев сразу же после прихода немцев вступил в группу «самообороны». Потом за ретивую службу его перевели в карательный батальон и сделали командиром взвода карателей.

— Ты Любку Мартышевскую знаешь? — спросила Ритка.

— Как же! Первая активистка была.

— У нее партизаны чуть не каждую ночь бывают. И раненых красноармейцев скрывает.

— Да ну! — воскликнул Лазарев. — А ты бы коменданту дохнула...

— Втюрился он в нее — не поверит. Я сюда вот пришла.

— А ну, пойдем к начальнику...

Ритка была зла только на Любу и на коменданта и хотела отомстить только им. Но в гестапо ее заставили рассказать о поселке все. Была названа Егоровна и еще многие имена честных советских людей. Ритке пришлось признаться, в каком страхе перед партизанами живет ее отец и почему он не выдает большевиков.

Над Чайром нависла угроза.

На рассвете в поселок прибыли на машинах каратели — двести пятьдесят эсэсовцев. Фашисты торопились.

— Шнель, шнель! — раздавалось в морозном воздухе. Врываясь в дома, гитлеровцы выталкивали людей на улицу. Слышались крики, стрельба, плач детей.

В первую очередь каратели ворвались в дом Любы Мартышевской. Они выволокли полуодетую женщину на улицу и стали избивать ее. Больше всех старались Ягяя Смаил и Лазарев. Немецкие солдаты выбросили из избы ребенка Любы и стали обливать дом бензином. Через несколько минут над крышей жилья взвился черный столб дыма. Поджигатели ушли к соседнему дому. Тогда Люба бросилась к избе, чтобы вывести спрятанных на чердаке раненых краснсармейцев. Но ее остановили и потащили на площадь. Она все время оглядывалась на свой дом. Лазарев подталкивал ее прикладом, матерился.

— Изверг ты, — крикнула ему Люба, — хуже немца. Больные в доме. Сгорят. Неужели тебе не жалко?

— А, наверно, товарищи командиры? — спросил Лазарев. — Хочешь, отпушу? Спасай их...

— Хочу, — просто ответила Люба и остановилась.

Лазарев махнул рукой, а когда Люба, прижимая к груди ребенка, бросилась к дому, поднял карабин и выстрелил ей в спину. Пуля пробила грудь матери и голову ребенка. Мартышевская замертво рухнула на землю.

В дом Егоровны карателей не посыпали. Сюда пришел сам комендант поселка с солдатом. Вот что рассказал нам об этом Анатолий Сандулов:

— Утром прибежала к нам соседка, мы с матерью

только проснулись. «Анна Егоровна! Беда! Немцы в селе!» Едва она сообщила нам это, а на пороге уже стоят два фашиста. Пришлось под винтовками одеваться. Я долго аккуратно наматывал портняшки, а сам украдкой поглядывал на окно — надеялся убежать. Но немцы торопились. Один из них подошел ко мне и ткнул прикладом в грудь. Потом схватили меня под руки и повели на площадь. Мать увела в другую сторону. Всех мужчин собрали отдельно. Тут были наш сосед Никитин Иван, старик Захаров, шестидесятидвухлетний Федор Петрик, словом, и старые и малые. Всего человек 18—20. На кого ни посмотришь — у каждого следы от прикладов. У Никитина была рассечена бровь. Дед Петрик сплевывал кровавую слюну...

Площадь оцепили автоматчики, а для острассти еще два пулемета на изготовку. Переводчик — щуплый, невысокого роста — бубнит что-то: слова офицера переводит.

Офицер велел женщинам вынести все ценные вещи из квартир. Пока хозяйки выносили домашнюю утварь, эсэсовцы вспарывали книжалами матрацы и перины. Солому вместе с перьями бросали на чердаки и поджигали...

Кровь леденела в жилах, когда мы слушали рассказы людей, оставшихся в живых после расстрела в поселке Чайр. Старого шахтера Захарова выгнали из дома, не дав ему надеть обувь. Так босого и привели к обрыву. Внук Захарова Витя, очень любивший деда, увидел это и побежал домой, чтобы принести ему носки. Запыхавшись, он вернулся и крикнул:

— Деда! Ножки замерзнут, вот тебе носки...

— Беги назад! Домой беги! — в ужасе закричал дед, но было уже поздно: каратель выстрелил, и Витюша упал на снег, обливаясь кровью. Захаров бросился к винтику, но пуля настигла и его.

Заметив, что немцы отвлеклись от основной группы, Сандулов Анатолий и Заяц Семен стремглав кинулись в обрыв в надежде спастись бегством. Сильный огонь, открытый по беглецам из автоматов и винтовок, заставил подростков упасть на землю. Сгоряча они не почувствовали, что ранены, и на всякий случай притворились мертвыми. Это и спасло их.

Под трупами ребята пролежали долго, пока совсем не стало тихо. Заяц выбрался в лес раньше Сандулова. Он пришел в мой отряд. Анатолий же заблудился в лесу

и лишь к вечеру наткнулся на дозор отряда Ивана Ка-лашникова.

Слушая рассказ Анатолия, я припомнил, как вместе с комиссаром Черным и начальником разведки Самойленко побывал в тот день на пепелище Чайра. Мы подошли ко рву, увидели трупы людей и сняли заиндевевшие ушанки: отдали последний долг невинным жертвам. Невдомек нам тогда было, что там, на дне глубокого рва, лежит, притаившись, наш маленький разведчик. Накрытый телами убитых, он слышал наш разговор, но не смог разобрать, что это была за речь — русская или немецкая. Решив зря не рисковать, Анатолий продолжал лежать тихо и неподвижно.

Мы обошли сожженный мертвый поселок. Пахло гарью. Жутко выли собаки. Ни живой души!

— Андреич, гляди! — крикнул Самойленко и бросился туда, где, распластавшись на снегу, лежали старик и мальчик. Это были Захаров и Витя.

В предсмертном исступлении сжаты кулаки натруженных старческих рук. Словно живые, пытаются они дотянуться до безжизненного тельца внука. В окоченевшей ручонке мальчика зажат шерстяной носок... Так они и лежали вдвоем — семидесятилетний шахтер и только начавший жить трехлетний мальчик.

До сих пор мы только слыхали о зверствах оккупантов. Теперь же партизаны стали живыми свидетелями кровавой расправы. И от этого наши сердца наполнялись гневом, жаждой справедливой мести.

ДЯДЯ КОЛЯ И «ТУАРИШ ТОМА»

К нам в отряд пришел житель деревни Лаки (Горянка) Николай Спиридонович Спаи. Он быстро завоевал авторитет среди партизан. Почти все продовольственные операции в этот период возглавлял он. Спаи уводил из гарнизонных конюшен офицерских лошадей так ловко и бесшумно, что мы только диву давались. А он шутил:

— Сам до сих пор не знал, что во мне пропадает талант конокрада.

Николай Спаи был самым старшим по возрасту партизаном, и потому все звали его дядей Колей. Дядю Коля в отряде любили. Особенно тянулась к нему моло-